

проблематика, причем в том же направлении, в каком претерпела изменение материалистическая мораль в процессе ее развития от Бэкона к Гоббсу. Возвышенные герои ранних трагедий Корнеля и прежде всего те же Сид и Гораций приближаются к этическому идеалу естественного человека, очерченному Бэконом, именно идеалу, поскольку Бэкон говорил не столько о том, что представляет собой в этическом отношении естественный человек, сколько о том, чем он должен и может быть по своей природе. Задачу особой науки «О достоинствах и преимуществах человеческой души» Бэкон видел в том, чтобы собрать воедино то, что схоласты называют «крайностями», а Пиндар — «вершинами человеческой природы» и что он сам называл «примерами высшей степени силы и способности, как душевной так и телесной». Собранные воедино, эти примеры должны составить, по мнению Бэкона, «как бы летопись человеческих побед» (стр. 289, 291). В духе подобной героической летописи и написаны лучшие из ранних трагедий Корнеля. Мы обнаруживаем в них то же своеобразное сочетание героики души с эгоистическим критерием ценности ее героического начала, которое отличает и этическое учение Бэкона. Еще Лансон в свое время указывал, что героизм корнелевских образов «не имеет непременно нравственной силы. Он выражает стойкость, а не доброту души».³¹ Но нужно добавить: величие героев Корнеля (не всех, а только его ранних трагедий) обнаруживается, конечно, как нравственное величие. Но критерием нравственного служит здесь не общее, а частное благо, достигаемое не самоотречением души, а ее самоутверждением в силе и доблести. Нравственное, понимаемое таким образом, не содержит в себе никакого элемента альтруизма, обязательного для социальной, общественной морали.

Думается, что этот бэконовский дух ранних трагедий Корнеля проясняет конкретное историческое содержание той сравнительной характеристики Корнеля и Расина, которую дал Лабрюйер и которая получила впоследствии широчайшее распространение: «Один <Корнель> изображает людей такими, какими они должны быть. Другой <Расин> — каковы они есть. Первому мы больше удивляемся и должны подражать; в последнем узнаем других и себя».³²

В поздних трагедиях Корнеля и в творчестве Расина принцип себялюбия выступает в более обнаженном и трагическом аспекте, приближающемся к скептической этике Гоббса. Изобра-

³¹ Лансон. История французской литературы. Перевод З. Венгеровой. СПб., 1899, стр. 79.

³² La Bruyère. Les caractères... т. I. Paris, 1813, стр. 67.